

УДК 81'373=511.142

Морфолого-синтаксическое эксплицирование предостережения в хантыйском языке

Онина Софья Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент,
кафедра филологии,

Югорский государственный университет,

628012, Российская Федерация, Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16;

e-mail: OninaS@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена особенностям морфолого-синтаксического эксплицирования на стыке морфологического и синтаксического уровней языка. В глагольных конструкциях, представляющих класс превентивных предложений, значение предостережения принадлежит самой глагольной словоформе, но актуализируется оно лишь при включении глагольной словоформы в состав синтаксической конструкции определенного типа. Предостережение в превентивной конструкции конкретизируется и уточняется дополнением, обстоятельством и определением, являющимися факультативными компонентами конструкции. Обширный класс глагольных словосочетаний составляют сочетания с зависимым компонентом – личным местоимением – в функции адресата, пациенса – в аккумулятиве; указательным местоимением в номинативе с числовыми и притяжательными показателями. Между частями глагольного словосочетания представленной модели реализуются объектные и пространственные отношения. Главный семантический критерий превентивного императива – наличие семы «будь осторожен, есть опасность возникновения непредвиденной ситуации». По признаку контролируемости действия со стороны адресата – адресат частично или полностью утрачивает способность контролировать свои действия в силу каких-либо объективных или субъективных обстоятельств. В предостерегательных высказываниях имеется сема случайности, непреднамеренности действия. Такого рода высказывания произносятся в интересах адресата для того, чтобы уберечь его от опасности.

Для цитирования в научных исследованиях

Онина С.В. Морфолого-синтаксическое эксплицирование предостережения в хантыйском языке // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 1А. С. 418-427.

Ключевые слова

Хантыйский язык, императив, предостережение, глагол, морфология, синтаксис, эксплицирование.

Введение

Способы выражения превентивной семантики могут быть эксплицитными и имплицитными. Эксплицитность и имплицитность, в свою очередь, являются важной «характеристикой соотношения содержательного и формального планов языка, семантической структуры языковых единиц...» [Ваулина, 2006, 6-7]. Существуют разные мнения относительно соотношенности способов эксплицитности / имплицитности выражения смыслов. В современной лингвистике нет единства взглядов о выражении подобных смыслов. Так Е.М. Шептухина, анализируя существующие в науке точки зрения на эту проблему, отмечает, что «наиболее распространенное понимание эксплицитности и имплицитности связано с явным или неявным выражением семантики языковых единиц компонентов различных уровней языка. <...> Они выявляются лишь в лексико-семантических парадигмах через контекст» [Шептухина, 2006, 249].

А.В. Бондарко применительно к языковым явлениям уточняет понятия эксплицитности / имплицитности и относит данные понятия не только к формальному выражению, но и самому языковому содержанию. По его мнению, «эксплицитность предполагает полностью проявления, отчетливость данного значения, в части случаев его подчеркнутый характер. Соответственно, имплицитный семантический элемент <...> не обладает указанными признаками. Он лишь вытекает из явно выраженного значения. Эксплицитность / имплицитность как формы существования языкового содержания и как свойства его формального выражения взаимосвязаны» [Бондарко, 2003, 103]. Далее, не углубляясь в другие случаи эксплицитной и имплицитной модификаторной формализации, рассмотрим хантыйские языковые средства, выражающие превентивные значения эксплицитно. Отметим также, что на материале хантыйского языка не существует описания глагольных превентивных высказываний. Нами для анализа привлечены материалы северных (шурьшкарский – далее в тексте: шур., казымский – далее: каз.) и восточных (сургутский – далее: сург., ваховский – далее: вах.) диалектов хантыйского языка. Материал оформлен согласно международным принципам финно-угорской транскрипции и помечен как полевые материалы автора (далее в тексте – [ПМА]).

Морфолого-синтаксическое эксплицирование

Превентивная семантика, выражаемая эксплицированно, передается как лексическими, так и грамматическими средствами. Важное место среди них занимает отрицательный им-

ператив субъектного и объектного спряжения. В хантыйском языке превентивные конструкции, выражают морфолого-синтаксическое эксплицирование. Особенность заключается в том, что в конструкции комплексно представлены единицы морфологического и синтаксического уровней языка. Семантика предостережения сосредоточена в глагольной словоформе, но актуализируется лишь при включении данной словоформы в состав синтаксической конструкции определенного типа.

В формировании предостерегательных смыслов особое место занимают глагольно-именные словосочетания, в которые включена глагольная словоформа в составе превентивной конструкции. В глагольно-именных словосочетаниях превентивной конструкции главным компонентом являются формы субъектного и объектного спряжения глагола (финитные формы). В словосочетаниях глагол является либо переходным, либо непереходным, соответственно, имеет показатели либо субъектного и объектного спряжения.

Превентивные конструкции с главным компонентом глаголом в форме субъектного спряжения

Отрицательный глагол, выражающий превентивное значение в форме *субъектного спряжения* в следующей модели:

al / al/ äλ 'не' + императив в субъектном спряжении, например:

шур.: *il al räkn-atən!*

Ptcl Ptcl.Prev падать-Imp.2Du

‘Не упадите!’

каз.: *Al pit-atən!*

Ptcl.Prev падать-Imp.2Du

‘Не упадите!’

сург.: *ilä al kärγ-itən!*

Ptcl Ptcl.Prev падать-Imp.2Du

‘Не упадите!’ [ПМА].

Для выражения семантики предостережения превентивные глаголы в форме повелительного наклонения, выражающие волеизъявление, являются конституирующими элементами структурных схем, которые обычно распространяются другими частями речи. Такими распространителями в конструкции являются:

1) имя существительное в лативе (дательно-направительном падеже), указывающее на конечный пункт движения:

шур.: *Jiŋk-a al pit-ati!*

вода-Lat Ptcl.Prev падать-Imp.2Pl

‘В воду не упадите!’

каз.: *Jiŋk-a ał pit-ati!*

вода-Lat Ptcl.Prev падать-Imp.2Pl

‘В воду не упадите!’

сург.: *Jəŋka ał kārγ-itəχ!*

вода-Lat Ptcl.Prev падать-Imp.2Pl

‘В воду не упадите!’ [ПМА];

2) имя существительное с пространственным послелогом в лативе (дательном-направительном падеже), указывающее на конечный пункт движения:

шур.: *Jūχ-l-an kur utrij-a ał lońś-atən,*

дрова-Pl-2Sg печь Postp-Lat Ptcl.Prev ставить-Imp.2Pl.Obj

nōχ ūś-ili-l-aj-ət!

Prvb зажигать-Iter-Praes-Pass-3Pl

‘Дрова за печку не ставь, загорятся!’

каз.: *Tūt-jūχ-l-an kōr šāńś pelk-a ał pun-atən,*

огонь-дрова-Pl-2Sg печь спина Postp-Lat Ptcl.Prev ставить-Imp.2Pl.Obj

tūt-n kūšma-l-aj-ət!

огонь-Лос начать_тлеть-Praes-Pass-3Pl

‘Дрова за печку не ставь, загорятся!’

сург.: *Juγ-ət kər роč-a ał pāni-λ-a,*

дрова-Pl печь спина-Lat Ptcl.Prev ставить-Imp.Pl.2Sg.Obj

naj-nə wətəχtə-λ-ət!

огонь-Лос загореться-Praes-Pl

‘Дрова за печку не ставь, загорятся!’

букв. ‘Дрова за печку не ставь, огнем загорятся’ [ПМА];

3) личное местоимение с пространственным послелогом шур. *elti*, каз. *ewālt* ‘от’ (с притяжательным формантом) или наречного слова сург. *pīra* (букв. ‘назад’):

шур.: *Lūw elt-el jōχi ał χās-a,*

он Postp-3Sg обратно Ptcl.Prev остаться-Imp.2Sg

χōt tāp-l-ən!

Prvb потеряться-Praes-2Sg

‘От него не отставай, заблудишься!’

каз.: *lūw ewālt-el-a julta ał χās-a, lomət-λ-ān!*

он Postp-3Sg-Lat сзади Ptcl.Prev остаться-Imp.2Sg заблудиться-Praes-2Sg

‘От него не отставай, заблудишься!’

сург.: *lūwati-ji pīr-a ał qij’-a, ilə təp-λ-ən!*

он-AbI назад Ptcl.Prev остаться-Imp.2Sg Ptcl заблудиться-Praes-2Sg

‘От него не отставай, заблудишься!’ [ПМА];

4) указательное местоимение:

шур.: *Un wošən nin šit-a al uš-atən!*

Большой город-Лос вы это-Lat Ptcl.Prev потеряться-Imp.2Du

‘В большом городе вы там не заблудитесь!’

каз.: *wōn woš-ən nin šāt-a χil al lomətł'-atən!*

Большой город-Лос вы там Prvb Ptcl.Prev заблудиться-Imp.2Du

‘В большом городе вы там не заблудитесь!’

сург.: *Ənəl woč-nə nəŋ tot iłə al təp-itən!*

Большой город-Лос вы там Prvb Ptcl.Prev заблудиться-Imp.2Du

‘В большом городе вы там не заблудитесь!’ [ПМА].

Как свидетельствуют данные примеры, в шурышкарском и казымском диалектах указательное местоимение принимает падежный формант, подобно обдорскому [Николаева, 1995, 101]. В сургутском диалекте в аналогичной ситуации указательное местоимение не принимает формантов. В превентивной конструкции указательное местоимение *tot* ‘там’ замещает наречие.

Превентивные конструкции с главным компонентом глаголом в форме объектного спряжения

Отрицательный глагол, выражающий превентивное значение в форме *объектного спряжения*: *al/al/äl* ‘не’ + *императив*, распространяют:

1) имя существительное в функции *пациенса* (в номинативе):

шур.: *Kawrət šajput-en it al lütt-i!*

горячий чайник-2Sg Prvb Ptcl.Prev отпустить-Imp.2Sg.Obj

‘Горячий чайник (свой) не урони!’

каз.: *Kawrət šajput-en il al rawt-i!*

горячий чайник-2Sg Prvb Ptcl.Prev уронить-Imp.2Sg.Obj

‘Горячий чайник (свой) не урони!’

сург.: *Kəwrət šajput iłə al piyt-e!*

горячий чайник Prvb Ptcl.Prev уронить-Imp.2Sg.Obj

‘Горячий чайник не урони!’ [ПМА].

Между компонентами глагольного словосочетания представленной модели реализуются объектные отношения. Управляемая часть конструкции выражает прямой объект, в частности, деструктив – разрушаемый объект.

В северных диалектах в качестве объекта действия выступают словоформы в притяжательной форме типа: *šajput-en* ‘чайник (свой)’, *an-en* ‘чашку (свою)’, *porton-lan* ‘лекарства (свои)’, *jernas-en* ‘платье (свое)’. В восточном (сургутском) диалекте объект неконтролируемого деструктивного действия представлен без притяжательной формы:

2) личным местоимением в функции *адресата* (в аккузативе):

шур.: *Mũŋ-ew at jörem-i!*

мы-Асс Ptcl.Prev забыть-Imp2Sg.Obj

‘Нас не забудь!’

каз.: *Mũŋ-ti al jürəm-e!*

мы-Асс Ptcl.Prev забыть-Imp2Sg.Obj

‘Нас не забудь!’

сург.: *Məŋ-at tōŋ al jörəŋl-a!*

мы-Асс туда Ptcl.Prev забыть-Imp2Sg

‘Нас не забудь!’ [ПИМА].

В функции адресата употреблено собственно-личное местоимение в форме аккузатива во всех представленных диалектах. Однако в разных группах диалектов употреблены неодинаковые конструкции: в шурышкарском и казымском – объектная конструкция, а в сургутском – субъектная.

3) личное местоимение в функции *пациенса* в аккузативе:

шур.: *Olər-ən mũŋ-əŋw at nõsət-alən!*

краска-Лос мы-Асс Ptcl.Prev мазать-Imp2Sg.Obj

‘Краской нас не испачкайте!’

сург.: *Suytip-at məŋ-at al niŋ-itəŋ!*

краска-Ins мы-Асс Ptcl.Prev мазать-Imp.2Sg

‘Краской нас не измажьте!’ [ПИМА].

В шурышкарском примере пациенс – личное местоимение 3 лица в аккузативе, соответственно используется объектная конструкция, а в сургутской превентивной конструкции при аккузативе употребляется субъектная конструкция. Хотя в принципе при аккузативе субъектное употребление глаголов в северных диалектах невозможно [Каксин, 2007, 111]. В то время как субъектное употребление при пациенсе в восточных диалектах является возможным.

Объект действия в превентивных сочетаниях выражается *указательным местоимением* без показателя аккузатива:

1) указательное местоимение в функции *пациенса* в номинативе (единственного, двойственного, множественного числа) в притяжательной форме:

шур.: *Šit-lan at ušt-alən!*

это-Pl Ptcl.Prev потерять-Imp2Sg.Obj

‘Этих (многих) (вы) не потеряйте!’

каз.: *Šit-ŋān al wōtš-aln!*

это-Du Ptcl.Prev потерять-Imp2Sg.Obj

‘Этих (двоих) (вы) не потеряйте!’ [ПИМА].

В конструкции указательные местоимения выполняют функцию прямого дополнения; пациенс занимает позицию прямого объекта действия. В конструкции глагольная форма

объектного спряжения маркирует число прямого объекта, и маркируется оно в глагольной словоформе. В данных объектных конструкциях глагольная форма согласуется с прямым объектом по числу;

2) (указательное местоимение в номинативе (единственного, двойственного, множественного числа) + существительное) в функции *паиенса*:

сург.: *Тэм рыт-нат ал мән-а, ти-нат мән-а!*

это лодка-Com Ptcl.Prev ехать-Imp.2Sg тот-Com ехать-Imp.2Sg

‘На этой лодкой не езжай, на той езжай!’

шур.: *Тәм хор-н ал мән-а, тәм хор-н мән-а!*

это лодка-Loc Ptcl.Prev ехать-Imp.2Sg тот лодка-Loc ехать-Imp.2Sg

‘На этой лодкой не езжай, на той езжай!’

вах.: *Том қану-а әл жөҗ-ә!*

тот берег-Lat Ptcl.Prev идти-Imp.2Sg

‘На тот берег не ходи!’ [ПМА].

В представленных конструкциях указательные местоимения употребляются в атрибутивной функции (функции определения к существительному), являясь своеобразным местоимением-прилагательным и указывает на ближний дейксис. В этом случае указательное местоимение не получает показателей и употребляется в номинативе.

Превентивные конструкции с главным компонентом неспрягаемой формой глагола

Своеобразным представляется употребление в превентивной конструкции супина (целевого инфинитива), характерного только для шурышкарского диалекта, например:

шур.: *Тәм jis-ән ow-en ләр пет-тиҗ-а ал жөрем-и!*

это век-Loc дверь-2Sg Prvb закрыть-Inf-Lat Ptcl.Prev ехать-Imp.2Sg

‘В наше время двери не забудь запереть!’ [ПМА].

Заключение

В превентивных конструкциях среди местоимений большая роль отводится личным, притяжательным и указательным местоимениям. В северных диалектах местоимение оформлено лично-притяжательными аффиксами, а указательное местоимение – часто и падежными формантами. Личное местоимение при выражении аккузативного значения складывается следующим образом: основа собственно-личного местоимения + лично-притяжательный аффикс соответствующего лица-числа. В восточных диалектах личные местоимения получают показатель аккузатива, а указательные местоимения не принимают никаких показателей.

Таким образом, в глагольно-именных словосочетаниях превентивной конструкции главным компонентом являются формы субъектного и объектного спряжения глагола (финитные формы) и неспрягаемая форма глагола (в шурышкарском диалекте: супин – целевой инфинитив). В сочетаниях сам глагол является либо переходным, либо непереходным, соответственно, имеет показатели либо субъектного и объектного спряжения. При непереходном глаголе в субъектном спряжении в качестве зависимых слов выступают имя существительное в лативе, часто с пространственным послелогом. В качестве зависимой единицы оказываются личное местоимение с пространственным послелогом (в номинативе с притяжательным формантом) и указательное местоимение в лативе. При переходном глаголе в объектном спряжении в качестве зависимого компонента употребляется имя существительное в номинативе, оформленное притяжательным формантом в функции пациенса. Важную роль играют и контекстуальные показатели (условия конситуации) и интонационное оформление высказывания.

Библиография

1. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 352 с.
2. Гусев В.Ю. Типология императива. М.: Языки славянских культур, 2013. 336 с.
3. Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. 134 с.
4. Кленина Ю.С. Превентив: семантика и способы выражения: дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 2003. 210 с.
5. Николаева И.А. Обдорский диалект хантыйского языка. М.; Гамбург: Uralo-Altica, 1995. 256 с.
6. Ваулина С.С. (ред.) Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. Калининград: РГУ им. И. Канта, 2006. 334 с.
7. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986. 270 с.
8. Храковский В.С. Повелительность // Бондарко А.В. (ред.) Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 185-231.
9. Цыпанов Е.А. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар: УрО РАН, 2005. 284 с.
10. Шептухина Е.М. Эксплицитность/имплицитность смысловой структуры русских глаголов со связанными основами // Ваулина С.С. (ред.) Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. Калининград: РГУ им. И. Канта, 2006. С. 248-255.

Morphological-syntactic explication of the caution in the Khanty language

Sof'ya V. Onina

PhD in philology,
associate professor, Department of philology,
Ugra state university,
628012, 16 Chekhova st., Khanty-Mansiysk, Russian Federation;
e-mail: OninaS@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the features of morphological and syntactic explication at the junction of the morphological and syntactic levels of the Khanty language. In the verbal constructions representing the class of preventive sentences, the significance of a caution belongs to the verbal itself, but it is actualized only when the verbal is included in the syntactic construction of a certain type. Caution in the preventive construction is specified by the objective complement, adverbial adjunct and definitive, which are optional components of the construction. An extensive class of verbal word combinations are combinations with a dependent component – a personal pronoun – in the function of the addressee, the patient in the accusative; the demonstrative pronoun in the nominative with numeric and possessive indicators. In the preventive verbal-nominal combinations, the main component are the forms of subject and object conjugation of the verb (finite forms) and an unbendable form of the verb (in the Shuryshkar dialect, the supine is the target infinitive). In combinations, the verb itself is either transitive or intransitive, accordingly, it has indicators of either subject or object conjugation. When an intransitive verb is in subject conjugation, the noun in the lative, often with a spatial postposition, acts as dependent words. A personal pronoun with a spatial postposition (in the nominative form, with a possessive formant) and a demonstrative pronoun in the lative act as a dependent component. In the case of a transitive verb in object conjugation, the noun in the nominative, formed by the possessive formant as a patient, is used as a dependent component. Contextual indicators (conditions of con-situation) and intonational formulation of the utterance play an important role. The object and spatial relations are realized between the parts of the verbal collocation of the presented model. The main semantic criterion of the preventive imperative is the presence of a family "be careful, there is a danger of an unforeseen situation". On the basis of the controllability of the action on the part of the addressee, the addressee partially or completely loses the ability to control his actions because of any objective or subjective circumstances. Cautionary statements include the seme of chance, unintentional action. Such statements are uttered in the interests of the addressee in order to protect him from danger.

For citation

Onina S.V. (2017) Morfologo-sintaksicheskoe eksplitsirovanie predosterezheniya v khantyiskom yazyke [Morphological-syntactic explication of the caution in the Khanty language]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (1A), pp. 418-427.

Keywords

Khanty language, the imperative mood, caution, verb, morphology, syntax, explication.

References

1. Bondarko A.V. (2003) *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [Theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. Moscow: Editorial URSS Publ.
2. Gusev V.Yu. (2013) *Tipologiya imperativa* [Typology of the imperative mood]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ.
3. Kaksin A.D. (2007) *Kazymskii dialekt khantyiskogo yazyka* [Kazym dialect of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist Publ.
4. Khrakovskii B.C., Volodin A.P. (1986) *Semantika i tipologiya imperativa. Russkii imperativ* [Semantics and typology of the imperative. Russian imperative]. Leningrad: Nauka Publ.
5. Khrakovskii V.S. (1990) Povelitel'nost' [Imperativeness]. In: Bondarko A.V. (ed.) *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of functional grammar. Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka Publ., pp. 185-231.
6. Klenina Yu.S. (2003) *Preventiv: semantika i sposoby vyrazheniya. Doct. Diss.* [The preventive: semantics and modes of expression. Doct. Diss.]. Ryazan.
7. Nikolaeva I.A. (1995) *Obdorskii dialekt khantyiskogo yazyka* [Obdorsk dialect of the Khanty language]. Moscow; Gamburg: Uralo-Altai Publ.
8. Sheptukhina E.M. (2006) Eksplitsitnost'/implitsitnost' smyslovoi struktury russkikh glagolov so svyazannymi osnovami [Explicitness/ implicitness of the semantic structure of Russian verbs with related fundamentals]. Vaulina S.S. (ed.) *Semantiko-diskursivnye issledovaniya yazyka: eksplitsitnost'/implitsitnost' vyrazheniya smyslov* [Semantic-discursive studies of the language: the explicitness / implicitness of the expression of meanings]. Kaliningrad, pp. 248-255.
9. Tsypanov E.A. (2005) *Grammaticheskie kategorii glagola v komi yazyke* [Grammatical categories of the verb in the Komi language]. Syktyvkar.
10. Vaulina S.S. (ed.) (2006) *Semantiko-diskursivnye issledovaniya yazyka: eksplitsitnost'/implitsitnost' vyrazheniya smyslov* [Semantic-discursive studies of the language: the explicitness / implicitness of the expression of meanings]. Kaliningrad.